

Эти вечные войны залинейских и лазовцев, городских и окраинных изнурили нас и наше отрочество. В книги я спрятался от драк, в которых почти не участвовал. Пять библиотек в городе, я все их излазил полка за полкой. Боже, какую муру я читал, но рядом читал и много хорошего.

Пленные японцы грузят на страшном морозе уголь. Мы, пацаны, носим кипяток во флягах. Нам жалко японцев и чего-то стыдно. Они умирают – мы не видим одного, потом второго. Бывшие офицеры командуют и здесь и не подпускают нас к солдатам. Но видно, как они все тоскуют по дому: украдкой глядят нам вихры и что-то говорят хорошее. Мы приносим картошки, они пекут её на костре, приплясывая: ноги стынут, на ногах у них деревянные ботинки, совсем летние.

1961 год

17 января. Воспоминание о 54-ом году, лето, мы в Гашенке, на полевых работах. В обеденную жару бабы и мужики бегут к пруду искупаться. Нинка Озерова купается нагишом. Председатель колхоза стыдит её с берега. Она стоит по колено в воде и отвечает:

– То ли тело у меня некрасивое?

Председатель мнётся и неотрывно смотрит на Нинку.

– То ли стыдно на красоту мою смотреть?

ИЗ ПИСЕМ 1955–1958 гг.

От редакции. Предваряя публикацию юношеских писем Б.И. Черных, сделаем некоторые пояснения.

Рита, которой адресованы письма, училась в той же школе № 9 Свободного, что и Борис, но классом старше. Окончив школу, она уехала во Владивосток поступать на кораблестроительный факультет политехнического института. А Борис остался доучиваться в Свободном. Поступить сразу Рита не смогла, поэтому устроилась на работу во Владивостоке (Дальзавод), чтобы на следующий год вновь попытаться поступить. И ей это удалось. А Борис после окончания школы выбрал юридический факультет Иркутского государственного университета (во Владивостоке в то время такого факультета не было). В Иркутске же училась и старшая сестра Риты – Лариса, она упоминается в переписке.

Переписка продолжалась четыре года и прекратилась, когда Рита вышла замуж и родила дочку Таню (она упоминается в последнем приведённом письме). Но письма Б. Черных она сохранила и много лет спустя вернула их с запиской: «Борис! Этим письмам 50 лет, и я их тебе возвращаю. Ты вправе встретиться с твоей юностью. Рита. Октябрь 2007 г.»

Сохранилось шестьдесят три письма.

Рита, чтобы это было в последний раз. Ну что это такое: «Я тебя прочту, когда ты поедешь в институт, не напишу тебе ни одного письма, пока ты будешь сдавать экзамены, вот тогда ты поймёшь, что это значит». Да понимаешь ли ты, что я забросал бы тебя письмами, если бы знал, куда писать. Ты ведь не договорилась со мной писать на главпочтамт... Потом, чуть не в каждом письме: «Ну, тебе ещё не надоело читать? Тебе, наверное, не интересно всё это слушать». Как тебе не стыдно это писать мне?

<...> Дома всё так же – ведь я тебе вчера и позавчера отправлял письма, а сегодня вновь пишу. Только проснулся я (часов в восемь), стали передавать концерт и песенку «Старый парк» (ты, помнишь, говорила, что она тебе нравится), я выхожу на кухню, на столе твоё письмо – чудеса! Рита, ты мне пишешь, чтобы я не был один, а сама вот даже с девчонками не пошла в парк. Послезавтра в школу, не придётся мне уже кого-то ждать в переме-

Председатель мнётся.

– А, мужики жён побросают? Они худосочные у них. А, ладно, одеваюсь, – она идёт величественно на берег. Юная Саския.

Председатель, как собачонка, заглядывает Нинке в глаза.

26 января. Кажется, все понимают – нужен стяг, нужен лозунг. Но стяги имеют свойство линять, а лозунги засиживают мухи. Поэтому время от времени стяги и лозунги меняют. Но у нации должна быть нравственная цель, на все времена единая.

Июль. Кузнец из Байкальска: «Нужно заказать русской бабе – пусть родит умного мужика, чтобы Россией правил». Так и написал, вся редакция сбежалась, все смеялись и повторяли: надо, надо заказать. Но Охонин, вздохнув, убрал из статьи это милое живое предложение. Я почувствовал себя обобраным.

«Пьяный корабль» Артюра Рембо. Наше время – это пьяный корабль. Знать бы наперёд, к чему придём. Как маятник – туда-сюда. И над смыслом, который хотя и скрыт, но тайно присутствует, цветёт пустое знамя. Красный смысл обесмыслен, я тихо начинаю жить в зелёном и голубом смыслах.

11 декабря. Но ведь надо уметь писать и о крупицах хорошего, о крупицах непопотерянного добра и греть землю собственным теплом. Посему ныть бы кончить.

ну и идти вместе с тобою домой... Знаешь, Риточка, в военной (фантастической) книжке «Погоня за призраком» я встретил несколько строчек из стихотворения Эдгара По¹. Исключительно написано. Я тебе сейчас перепису, я запомнил их тотчас на память. Вот, представь, человек умирает и шепчет:

Шёлковый тревожный шорох в пурпурных портъерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
– Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость – и больше ничего...

¹Ниже приводится фрагмент одного из самых известных стихотворений американского прозаика и поэта Э. По «Ворон» (1845) в переводе М. Зенкевича. Единственное расхождение – предпоследняя строка, которая в оригинале выглядит немного иначе: «Гость какой-то запоздалый у порога моего». – Примеч. ред.

Правда же, сильно написано? Риточка, почему-то не тянет теперь меня к своим горе-стихам. Вот сядешь, подумаешь, так много встречается интересных людей и фактов, но к бумаге с чернилами даже противно прикасаться. Всегда боишься сфальшивить, а так точно и сильно написать, как у Эдгара По, просто невозможно. Разве что так: «Поле, поле, снега, снега. Сибиряки крепки, крепки сибиряки», – это мы когда-то с тобой в ДОСА слушали.

... Ну вот, теперь я тебе задаю тот же вопрос: «Интересно ли тебе слушать всё это?»

До свидания (очень, очень далёкого).

Твой Борис.

30.08-55.

Добрый день, Рита.

<...> Рита, в голове у меня одна мысль. Послушай. Смотри, я тебе говорил, что очень охота писать об Албазине, только большую и сильную вещь. («Мечты», – наверное, думаешь ты.) Если «божьей помощью» окончу десять классов, то юридический меня лишит свободы после его окончания. С литературным ещё не уверен. Остаётся педагогический (скажем – исторический факультет). А ты? Почему бы тебе не пойти на педагогический? Недавно было мнение у меня, что девчонкам не быть сильными педагогами. Но ты можешь ведь доказать обратное, я уверен. Мне очень охота учиться с тобой вместе. Советуй, что делать. Это не дальновидность, а просто интерес к будущему. Основная у меня цель – всё-таки это село моих дедов. Как она тебе нравится? Мне, например, нравится сознавать, что прадед мой был старичным атаманом, а отец – главбух. Смешно очень, не так ли, и интересно увидеть сопоставленными прадеда и отца.

Время идёт слишком быстро, и Албазин так и остаётся жалким селением в понятии людей. А мне неохота. Если ты поймёшь, то тебе тоже будет неохота. Итак, нравятся ли тебе мои мысли?

Ну, пока, до свидания. <...>.

Борис.

14.10-55.

Здравствуй. Ты пишешь, почему я молчу. На первые два письма я ответил ещё 30/12-55. Сегодня 13/1. Недавно получил последнее твоё письмо. Отвечаю. Как я понял, ты не знаешь, отчего я не писал. В конце прошлого месяца у меня в телогрейке, на вешалке в школе, исчез комсомольский билет. Просто забыл первый раз в жизни и, очевидно, последний. Ну, доложил Р. И., что оставил билет, его нет. Она поохала и всё. Затем вызвали на Бюро горкома. Балецкий настоял на простом выговоре. Комсомольский билет получил другой (старого образца), а в марте школой должны получать новые билеты. Ты представляешь, конечно, в каком я был положении. Безусловно, было не до уроков. В четверти по-прежнему пять троек: алгебра, тригонометрия, русский, химия и англ. яз. Уже прошли каникулы, успел

получить по физике тройку, чуть лучше – по алгебре. Настроение хорошее, пишу. Был «бал» в ДОСА. Одни (почти) танцы; вечер для десятиклассников, затем ещё два вечера, и всё. На каникулах вёл секцию. Команда девчонок, играла с 52-й шк<олой>. Проиграли, выиграли, снова проиграли (они встречались 3 раза). У меня девчонки делают успехи в баскет<боле>, особенно семиклассницы и восьмиклассницы. Да, в команде 52-й школы играет некто Малкова Эмма. Летом она была в отряде (в пионерлагере) у Ларисы, председатель совета дружины. Как видишь, встретились знакомые. Каникулам я обязан одним знакомством. У нас в 9-м классе новенькая – Косицына. Отлично пишет стихи, а это клад для меня, т.к. с Гречиным решили организовать литературный журнал. Плохо только, что эта девчонка, сколько ни говорил я с нею, очень самоуверенна.

Идея организовать выпуск журнала пришла как-то случайно. Валентина Васильевна поддержала, ну и дело только за нами. Забыл тебе ещё написать. Был турнир шахматный среди школ города. Играл на третьей доске. Проиграл одну из четырёх партий. Школа заняла 1-е место. Баскетболисты наши и волейболисты ездили в Благовещенск. Всё это на каникулах. Проиграли и в баскет (счёт 42:50), и в волейбол (счёт 2:1). Но это хорошо, т.к. в прошлом году проиграли со счётом 37:85. Нам сообщили, что наша школа сильнейшая по спорту в области, но по учёбе... наверное, последняя. У нас в классе (!) не успевают в четверти пять человек. Нам это не помешало собраться снова классом, уж такие, видно, мы ученики. Был на катке в каникулы два раза, «глотал» книги. Сдавал ГТО по лыжам. Смотри, как много набралось, да ещё свой волейбол в Управлении.

Ритка, я один раз провожал девчонку с вечера. Знаешь, как это получилось? Нас, т.е. меня и секцию девчонок, пригласили на вечер в 52-ю школу, а мы – их баскетболисток. Но к нам пришла лишь капитан команды, ну а ей, видишь ли, было бы неудобно одной, поэтому «отбывал». Вообще-то мне нравилось «отбывать», потому что девчонка умная. Она ещё председатель Учкома в своей школе. Кажется, теперь всё.

О тебе. Как здоровье, особенно – глаза? Как работа? Одним словом, всё?

Рита, я уже почему-то привык, что тебя нет, как будто так и надо. Тебе передаёт привет, вернее, давно передала Раиса Ивановна.

С приветом, Борис.

Рита, я очень соскучился по тебе, страшно. Ты извинишь меня за молчание? Ну, не мог писать.

[1956]

Здравствуй.

<...> Хотя это и бумага, я попробую немного рассказать о себе <...>.

Комната наша – каморка (или как это мы называем – ночлежка) о четырёх углах. Солнце видим иногда, по утрам – окна (два) выходят на восток. Живём четверо, да в соседней комнатухе – трое. Живём, кажется, дружно, иногда ссоримся, но быстро миримся («Генка, займи

рублей 25» или «Венька, пойдём в столовую?» – ну, как тут не помиришься?!). Занимаюсь? Откровенно говоря – не в моей привычке, но иногда приходится сидеть многовато. А сегодня устроили день отдыха: у двоих из нас сданы два экзамена, остальные вчера кончили занятия – скоро у них экзамены. Один у нас, такой добродушный парень, принёс из техникума тетрадь одной девчонки. Принялись его доводить, терпел, терпел и сейчас терпит, отвернулся к стенке и молчит... Едим (даже это пишу) в день раза три, два, чаще два или один – привыкли. Книжки читаем мало, но зато чуть не каждый день читаем (один читает, остальные слушают) Сергея Есенина. Да, слов не хватает, как хорошо писал! <...> Кино смотрим изредка, вчера ходил с Ларкой на «Сорок первый»². Немного романтики, но всё-таки сильный фильм: «идея побеждает любовь» – так определили с ребятами мы, перефразируя Сталина о Горьком, «Девушка и Смерть»³. Домой пишу, что всё время занимаюсь, за экзамены 4, 4... – чтобы были спокойны. Надеюсь, так можно обманывать. За экзамены получил 3, 4, а не всё ли равно – стипендия будет. При поступлении набрал 19 баллов из 20. Сейчас у нас уже «засыпалось» 10 человек, двойки. Остался один экзамен, и мы попробуем уехать домой, но... деньги, всюду деньги. А как мне охота в школу!

Как видишь, мы живём лучше (правда, смотря в каком отношении), чем ты. Кажется, даже сравнивать нельзя. Да, Рита, а сейчас вот у соседей играют вальс «Воспоминание», чёрт, даже настроение испортилось. Может быть, тебя всё же интересует <...>, о чём я мечтаю? Да всё о том же – о тебе, мне всё кажется, что тебе 16 лет, а тебе уже 19, месяцев через 130 можно говорить:

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё прошло, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Это Есенин. Мрачно, но всё-таки красиво написано, да?

<...>

Борис.
19.01-57.

Здравствуй, Рита.

«Здравствуй» написал давно, а вот только сейчас хочу дописать. <...> О чём писать? Вроде бы, так много накопилось, а сел – и стоп!

1) Сдал зачёты. 2) Скоро экзамены, послезавтра – первый – военное дело. Об этом писать – неохота, и так

²«Сорок первый» – кинофильм, снятый в 1956 году режиссёром Григорием Чухраем по одноимённой повести Бориса Лавренёва. – *Примеч. ред.*

³Имеется в виду получившая широкую известность надпись, сделанная Сталиным 11 октября 1931 г. на тексте юношеской поэмы-сказки М. Горького «Девушка и смерть» (1892): «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гёте (любов[ь] побеждает смерть)». – *Примеч. ред.*

голову порой забьёшь «чепухой», что и думать о ней неохота. <...>.

В начале года, если («дай бог!») всё благополучно кончится – я дома. «Дай бог!» – это я, конечно, говорю для смеху.

А живём всё так же. Гена Симонов получает от Жени Ткачёва письма, тот жалуется на скуку и пр. Я получил из Томска, пишут, что скука, хандра, а мы с Генкой про тоску большей частью молчим, сочиняем – весело, мол, живём.

А скука! Домой тянет, на картошку и капусту, на стадион и в школу. Был в парке, Рита. Дикость! Вообще – какая-то дрянь, хулиганье кривляется на танцплощадке, разболтанные донельзя девицы. Даже как-то думать неприятно – обнимаются и танцуют. И это Сибирь, та самая Сибирь, про которую пишут: «Край суровых людей» и пр. А вот что понравилось, так это – танец «ёхор». Смешно называется? Это национальный бурятский танец. Буряты соберутся в хоровод и ходят, пританцовывая, и что-то поют. Я спросил у одного буряты, о чём поют. Славят, говорит, народ, правительство, Ангарскую ГЭС. Интересно, что буряты – большинство студенты и студентки, и русские парни и девчата ходят «для массовости» и тоже пытаются подпевать – мычат. Дружно получается, так что оркестр заглушают, который играет на танцплощадке – в стороне. О чём ещё написать?

Иркутск – город старый и молодой. Здесь можно встретить от «Молодёжь – на стройки!» до «Зубной врач Довидовъ» – на дверях столетних домов. Но город неплохой, патриархальщина мне нравится; интересно, когда идёшь по улице и знаешь, что на ней когда-то сражался Сергей Лазо.

Ну, вот, а теперь вопросы.

Как у тебя зачёты, экзамены? Рита, а как ты и где питаешься? Смешно? Я так – ем, как придётся. Преснота.

Как зрение у тебя? Читаешь? Есть время? Я за счёт занятий читаю.

Ритка, больше не получается, пиши. Это точно, что ты будешь в Свободном в конце июля?

Целую. Борис.

Да, жалко всё-таки, что года идут: было 17, будет 20! Я прочитал у К. Симонова: «Там начало конца, где читаются старые письма»⁴. А я иногда читаю и чувствую, что всё ещё впереди! Оптимист (правда, не всегда).

2.06-57.

Здравствуй, Риточка.

Сегодня только получил фотокарточку, ну и немного черкну. Правда, писать почти нечего. А знаешь, сегодня дочитал «Юношу» Б. Левина⁵. Сильно написал. Я ещё в школе читал эту вещь, но многого не увидел – от небрежности и торопливости. А сейчас... Если бы у каж-

⁴Цитата из поэмы К. Симонова «Пять страниц» (1938). – *Примеч. ред.*

⁵«Юноша» (1932–1933) – роман забытого ныне писателя Бориса Михайловича Левина (1899–1940), вышедший в 1957 году вторым изданием. – *Примеч. ред.*

дого двадцатилетнего лежал на столе (именно на столе, а не на полке) Левин, то, я уверен, все были бы в несколько раз лучше.

Физиономия моя вышла, разумеется, на бумаге лучше, чем... Только глаз, «кажись», косит, но это не беда. Правда? Хорошая моя Ритка, послезавтра я не сдам военку. Чувствую. Боюсь. Привык на вечное везенье, но когда-нибудь срежусь. Недоразумение с английским, но уладится. Да без всего этого и не интересно уже становится – всё учи да учи. Ребёнок? По крайней мере, хочу иногда быть похожим на него. А почему ты молчишь? Ну да, не всё же мне не всегда писать... Что другое? Может быть. А тебя хочу видеть, и всё, согласен, пусть вверху станет, только бы, хорошая – хотел многоточие ставить, их и так много, – увидеть. Скорей бы проходило это «скорей бы».

Ритка, напиши, как работаешь, какие хоть товарищи по работе у тебя. Ведь трудно? Трудно, а мне вот делать нечего. Есть, но настроения нет и, пожалуй, не было. Ну, напиши о заводе, не военная тайна, поди. О Владивостоке.

С приветом, Борис.

20.06-57.

Здравствуй.

Достал чернила, но, как видишь, красные. Ритка, я пользуюсь возможностью писать часто письма, скоро такой возможности не будет: колхоз, да и не только колхоз. Я, кажется, обещал тебе написать о цыганке, об интересных стихах.

Итак, «дочь степей». Поймал её на ступенях университета. Говорю: «Ты меня помнишь?». А она: «Да кто вас знает, всяких, разных». Я немного обескуражен, но всё же интересно знать, что она делает и как учится. Сели, и вот давай она расписывать с жестикуляцией, как ей не нравится русский язык и преподаватели, к помощи которых она прибегает. Я спрашиваю – почему? – Пристают, что, мол, как это интересно – цыганка и изучает русский, надоело. Я спросил, как её фамилия. Ренс Раца. Чудная, законно? Рассказывает – убежала из табора и воспитывалась в детдоме, а теперь студентка заочного и преподаёт в школе начальной. Говорю: «Зачем в наряде цыганском ходишь?»

«А сам-то в своём, в русском костюме. Вот и я. Люблю, вот и хожу».

Потом встала и упорхнула, только рукой махнула. Ну и ну. Рита, меня очень заинтересовала эта «особа», но ведь с ней невозможно спокойно поговорить – сидит как на иголках. Чёрт знает, как она преподаёт. Ну, вот – описал, а настроение (почему-то) писать исчезло. А может быть, тебе надоело уже получать и читать мои многословные письма. Кто знает. Ритка, ты должна быть в Иркутске. Слышишь? Как это хорошо было бы. Мне так надоело всё время думать, что как бы Ритку убедить в правильности моих слов.

Впрочем, возможно, ты совершенно не разделяешь написанного. Почему я так думаю? Иногда (а в последние дни – часто) мне думается, что ты легко бы потеряла меня, спокойно.

Игорь Северянин? – Что, сумасшедшее письмо? – У него пошлое стихотворение, даже, может быть, циничное, я тебе не всё его напишу. Но мне нравится волево «хочу».

«Хочу быть дерзок! Хочу быть смелым! Хочу из трав я венки сплетать!

.....

Пусть завтра будет и снег, и холод, – сегодня сердце отдам лучу! Я буду счастлив! Я буду молод! Я буду дерзким! Я так хочу»⁶.

А после этих слов я дописываю: «Ничто человеческое мне не чуждо». Тебе понятны эти слова великого Маркса в приложении к Черным – маленькому человеку?

Ребята косятся на меня; что, мол, парень так часто пишет и помногу. Не женился ли он на самом деле? <...>

До свидания.

29.08-57.

Здравствуй, Ритка.

Я получил от тебя два письма, отвечаю. Только что приехал в Иркутск – ездил с товарищем за картошкой к нему домой. 70 км поездом; городок Усолье маленький, но в нём всё напоминало мне Свободный. Я и сейчас ещё под впечатлением <от> поездки. А в Усолье «убил» ночь на «Да сгинет день!» Захватывающая книжка. Я очень прошу тебя прочитать этот роман. Автор Джеральд Гордон⁷. Статью (стихи) об Есенине в «Юности» читал. Стихи эти уже есть в двухтомнике его.

Я просил тебя прочесть у Бунина «Митину любовь». Ну, как?

Седьмое ноября я хочу сагитировать наших провести на пароходе по Ангаре. Это было бы замечательно, да?

Вера пошатнулась? Что же, верю: бывает и так. Я тоже скоро во всём разуверюсь. А вообще-то – не дай Бог!

Ритка, меня злят лекции: никакого интереса слушать о преступлениях. Что делать?

Пишешь о поцелуях. Это какой-то ужас, дурман – поцелуй. От них кружится голова. Фу, какие они нехорошие...

И всё-таки, я желаю этого ужаса, чтоб кружилось в голове. Четыре года мне кажутся вечностью; я боюсь,

⁶Автором стихотворения «Хочу» (1902), которое цитируется в письме, является не Игорь Северянин, а Константин Бальмонт. Вот полный текст: «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым, / Из сочных гроздий венки свивать. / Хочу упиться роскошным телом, / Хочу одежды с тебя сорвать! // Хочу я зная атласной груди, / Мы два желанья в одно сольём. / Уйдите, боги! Уйдите, люди! / Мне сладко с нею побыть вдвоём! // Пусть будет завтра и мрак и холод, / Сегодня сердце отдам лучу. / Я буду счастлив! Я буду молод! / Я буду дерзок! Я так хочу!». – *Примеч. ред.*

⁷Вышедший в издательстве «Иностранная литература» в 1955 году роман южноафриканского писателя Джеральда Гордона «Да сгинет день...» (1952) посвящён жизни коренных народов Африки. – *Примеч. ред.*

что действительно за четырьмя годами последует вечность или, короче говоря, ничто. Понимаешь?

Я прочитал в романе «Да сгинет день», как впервые они поцеловались, когда ему было 16 лет, ей – 15. А нам было с тобой на год больше.

Осталось 40 минут до английского, а я в это время пишу такую, кажется, ерунду.

У Козлова нашёл стихи (давно уже):

Гляжу ль вперёд – одни печали,
Смотрю ль назад – моих друзей,
Как жёлтый лист последних дней,
Метели бурные умчали⁸.

Мрачно, но, возможно, лет через 10 это «сбудется».

Тоже – не дай Бог!

Целую тебя <...>.

Твой чёрный Борис.

28.10-57.

P.S. А мне опять не «нравится» наше радио: освободили от своих обязанностей Жукова⁹. Почему?..

Здравствуй.

Пишу на лекции. Только что получил от тебя два письма и телеграмму. Спасибо большое. Живу так, что – ни то, ни сё.

Писать о лекциях? Вообще об учёбе? – Неохота. В последние дни я много сижу в областной библиотеке – читаю что-нибудь о литературе или (редко) конспектирую.

Приобрёл замечательные вещи: в 1000 страниц «Фадеев за 30 лет», «Историю античной литературы», «Переписку Сталина с Черчиллем, Рузвельтом, Трумэнном» (об этом я, кажется, писал), «Пушкина в изгнании» и др. Теперь у меня накопилось на этажерке моей порядочно книг – только читай. Сейчас пишу, а с двух сторон сидят «типы», и мне всё время кажется, что они смотрят в мою тетрадь. Да, скоро 40-я!¹⁰ Знаешь, я думаю, что сибиряки привыкли всякое торжество считать удобным предлогом для выпивки. Да и не одни сибиряки. Не так ли? Интересно, тебе и мне по 20 лет; мы в два раза младше нашей революции. Это можно сказать лишь в этом году, а потом уже просто: на 20 лет Октябрь старше. Как видишь, интересное совпадение. Где я буду встречать праздник? – На параде, ну а потом в общежитии.

Чуть не забыл. Недавно читал и смотрел книгу – учебник по криминалистике. Страшная и противная штука. Рвать тянет от рисунков с убийствами. Как я изучать такую гадость буду? Представь снимок: самоубийца заложил себе в рот динамит и взорвал, и человек представлен в виде кровавого месива, где ничего не разберёшь, кроме болтающихся ушей. Без содрогания вспоминать не могу. Тебе нравится письмо? Впрочем, я пишу, не подделываясь под настроение человека. Рад, что вышла на работу.

Если приеду во Владивосток, где я там остановлюсь??

Как фотокарточка? Я должен прислать групповую скоро.

До свидания, Борис.

3.11-57.

Риточка, я не успею всего сказать тебе, когда приеду на Дальзавод и будут люди. В письме тоже всего не скажешь, но я попытаюсь сейчас вспомнить стихи одного иркутского парня, только всё читать надо наоборот:

И нет конца и нет начала
Моим несбывшимся мечтам.
Вновь прохожу по тем местам,
Где ты, счастливая, скучала.
Как пароход, ищу причала.
Гореть, гореть моим мостам.
Пух с тополей летит порошей,
Его движенья так легки.
Не подаю друзьям руки.
Сегодня просто я прохожий.
Я никогда не перестану
Жить, восхищаясь и скорбя.
Мне неостанет лишь тебя,
Когда я, бедный, жить устану.
Чуть слышно лось проходит к стану,
Тревогу тайную трубя.
Хотя бы жить начать сначала –
Чтоб всё не так и всё не там.
Но гордость ходит по пятам:
Ты не ждала и не скучала.
А я опять ищу причала
Моим несбывшимся мечтам.

Ищу. И когда-нибудь мне слишком неостанет тебя, но уже ничего не поправить.

Целую Таньку и тебя.

Борис.

[1958–1959?]

⁸Неточная цитата из стихотворения поэта пушкинской эпохи И.И. Козлова «Бессонница» (1827). В оригинале строфа выглядит так: «Смотрю ли вдаль – одни печали; / Смотрю ль кругом – моих друзей, / Как жёлтый лист осенних дней, / Метели бурные умчали». – *Примеч. ред.*

⁹Очевидно, что постскрипtum был написан Б. Черных не ранее 29 октября 1957 года. Именно в этот день решением очередного Пленума ЦК КПСС «маршал Победы» Г.К. Жуков был выведен из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС и указом Президиума Верховного Совета СССР освобождён от должности министра обороны. – *Примеч. ред.*

¹⁰Имеется в виду сороковая годовщина Октябрьской революции 1917 года. – *Примеч. ред.*